

**Структура лингвокультурного концепта:
методы выявления и механизмы семантизации**

**The structure of a cultural concept:
methods of analysis and mechanisms of semantization**

В статье проводится обзор современных подходов к анализу структуры лингвокультурного концепта, получивших наиболее широкое распространение в научной литературе, и предлагается собственный метод, дополняющий наиболее актуальные из существующих концепций. Описываемый в статье метод может быть применен при выявлении диахронических изменений национальных концептосфер.

The article views modern approaches to the analysis of the structure of a cultural concept. The author introduces a new method adding to the most actual approaches to the concept structure existing in modern linguistics. The suggested method can be used in analyzing the diachronic changes of national concept sphere.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лексическая микропарадигма, структура концепта.

Key words: concept, conceptual sphere, lexical microparadigm, concept structure.

К настоящему моменту в лингвокультурологии сложилось несколько подходов к выявлению структуры концепта. Все они основываются на положении о том, что как структурная единица концептуальной системы концепт репрезентируется семантически-ми структурами различного уровня сложности и абстрактности и имеет свои «представительства» в лексической системе языка. Многослойность лингвоконцепта проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, компонентов, уровней и пр.), мнения исследователей расходятся здесь лишь относительно количества и характера

последних. Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта, лежащие в основе целого ряда современных исследований в области лингвоконцептологии, принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину, В.В. Колесову и Г.Г. Слышкину.

Широко известна трактовка структуры концепта Ю.С. Степанова, который утверждает, что концепт имеет *многослойную* структуру и выделяет: (1) «основной признак», «актуальный слой» концепта, в котором «концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими», актуализирующимися «при общении людей лишь некоторых социальных групп»; (3) «буквальный смысл» или «внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме», или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта [15]. Данный подход можно назвать **диахроническим**, в его рамках структура концепта рассматривается в процессе ее эволюционирования в рамках культуры.

Оригинальная концепция структуры лингвокультурного концепта принадлежит Г.Г. Слышкину [13, с.51–67], который предлагает **ассоциативную модель концепта**, исходя из того, что последний функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами. Номинативная плотность концепта в рамках данного подхода является основной характеристикой *интразоны* концепта (совокупности входящих в концепт ассоциаций), а метафорическая диффузность – его *экстразоны* (совокупности исходящих ассоциаций) [13, с. 60].

По мнению В.В. Колесова, смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа» [8, с.107], где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [см.: 8, с. 42].

И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают **полевою модель концепта** по аналогии с полевой организацией значения слова (разви-

вая идеи Э. Рош, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и др.). Исходя из того, что значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы предлагают допустить, что и концепт имеет *многослойную организацию*, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации [11]. По мнению авторов подхода, концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта. Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо вычленяется в сознании примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются дополнительные концептуальные признаки. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные слои от более конкретного слоя к более абстрактному. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляют объем концепта. Авторы подчеркивают, что «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица» [12, с. 34]. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Этот слой содержания концепта был обозначен термином «интерпретационное поле концепта» [11].

В.И. Карасик, выявляя структуру концептов – **духовных ценностей**, выделяет в ней, помимо образной, понятийную и ценностную составляющие [6, с. 39]. Образную составляющую автор понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [7, с. 27]. Понятийная составляющая представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «*совокупность*

существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [6, с. 39]. С лингвокультурологической точки зрения доминирующей является ценностная составляющая, поскольку она более всего культурно значима.

Принимая подход к моделированию структуры концепта В.И. Карасика в целом, С.Г. Воркачѳв выделяет в семантическом составе лингвоконцепта, помимо образной, ценностной и понятийной, также значимостную составляющую, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [3, с. 7]. В значимостную составляющую входят также этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта. Термин «значимостная» в концепции С.Г. Воркачѳва восходит к Ф. Соссюру, который назвал совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе «значимостью» (*valeur*) [14, с. 113–114, 146–148]. Исследовать ее Соссюр призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и по «оси последовательности», в диахронии [14, с. 114]. Последняя ось в случае значимостной составляющей лингвокультурного концепта раскрывается, по мнению С.Г. Воркачѳва, как «этимологическая память слова», фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь ее «этимона» [3, с. 124]. В синхронии значимостная составляющая лингвоконцепта описывается, по мнению С.Г. Воркачѳва, через внутрипарадигматическую «равнозначность» и «разнозначность» ЛСВ этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи. В число значимостных характеристик концепта входит, по предположению автора, также соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность. Значимостными являются и прагмастилистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда [3, с.124]. Из вышесказанного следует, что содержание значимостной составляющей концепта выводится автором из ассоциаций его языкового имени, его словообразовательной продуктивности и номинативной плотности, однако из ассоциативных отношений имен концепта выводится в рамках данного подхода также содержание понятийной составляющей концепта. В.И. Карасик, впервые выделивший эту составляющую в структуре лингво-

культурного концепта, предположил, что для концептов – духовных сущностей понятийный компонент является определяющим и представляет собой *«совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания»* [6, с. 39]. Само по себе данное определение не вызывает сомнения, однако, ученые, развивающие данный подход, так и не пришли к единому и четкому мнению относительно способов выявления конститuentов понятийной составляющей концепта. С.Г. Воркачѳв, в частности, предположил, что *«определить ее изначально можно «апафатически», через отрицание: это – то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных («значимостных») характеристик его языкового имени»* [3, с. 80]. Данный тезис также не позволяет достаточно ясно представить себе процедуру выявления признаков рассматриваемого компонента. Вероятно, сама природа концепта, его диффузность, размытость границ, не позволяют применить достаточно жесткую процедуру в процессе его моделирования. Положение также усложняется активным процессом терминотворчества. Имея в виду приблизительно одно и то же, авторы разных подходов к моделированию структуры концепта не могут прийти к единому мнению, попросту называя одно и то же разными словами.

Термин «понятийный», вероятно, должен подразумевать, что данный компонент включает определение содержания входящего в него понятия. В частности, понятийная составляющая морально-этического концепта должна включать определение данного нравственного принципа или чувства. Например, *«conscience – the sense or consciousness of the moral goodness or badness of one's own conduct, intentions or character together with a feeling of obligation to do right or be good»* [17]. Определение представляет собой логическую операцию, раскрывающую содержание понятия, в ходе которой устанавливаются функции семантических признаков и их иерархия в составе понятия. *Дистинктивные*, родовые признаки обеспечивают тождественность понятия самому себе при использовании его в различных теориях и фиксируют его *объем*. *Эссенциальные* признаки связаны с интерпретацией *содержания* понятия в рамках определенной концепции [2, с. 121; 4, с. 6]. Философские понятия-термины могут быть определены и наполнены конкретным содержанием,

лишь будучи включенными в теорию, которая выступает границей их смысла. Даже не придерживаясь столь жесткого подхода, то есть, по сути, пытаясь моделировать понятийные составляющие концептов на уровне обыденного сознания, мы вынуждены выявлять в их структуре родо-видовые признаки, в противном случае термин «понятийная» теряет адекватность.

В ряде существующих в настоящее время исследований по лингвоконцептологии, следующих описанному выше подходу, «понятийная» составляющая культурных концептов на деле выводится путем выявления доминантных ассоциаций (тематических, парадигматических, синтагматических), в которые вступают ЛСВ конкретных частеречных реализаций имен концепта в разнообразных условиях дискурса [10; 5, с.36–40 и пр.]. О.В. Евтушенко, анализируя структуру концепта «ревность» в русской культуре, отмечает, что для выявления «понятийного уровня» концепта ею было описано ассоциативное поле слова *ревность*, для чего исследовалась его сочетаемость в художественных текстах XVIII–XXI вв. «Мы исходим из того, – пишет далее автор, – что анализ сочинительных связей слова и включающих его перечислительных рядов позволяет выявить ядерные элементы понятийного уровня соответствующего концепта» [5, с. 36]. Не вызывает сомнения тот факт, что признаки понятийной составляющей лингвокультурного концепта, действительно, могут выводиться на базе доминантных, прототипических ассоциаций, выявляемых в индивидуальных дискурсивных трактовках концепта. Но необходимо учитывать, что основой любого понятия являются родовые компоненты смысла, ассоциации же фиксируют достаточно редко. Возвращаясь к концепту «ревность», можно предположить, что определение, отражающее понятийную составляющую концепта, должно включать гипероним «чувство». Толковый словарь под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предлагает следующее определение значения слова *ревность*: «мучительное чувство сомнения в чьей-то верности, любви» [16]. Однако анализ ассоциативных связей имени концепта «ревность», проведенный О.В. Евтушенко, позволил автору заключить, «что ядерными элементами понятийного уровня концепта являются «обида», «злость», «стремление» и «месть» [5, с. 37]. Таким образом, ассоциации выводят нас на признаки концепта эквивалентного

уровня обобщения, что не позволяет методике выявления ассоциаций имен концепта быть адекватной (и достаточной) при выявлении его понятийной составляющей.

Нами был предложен подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта, уточняющий и развивающий положения описанных выше концепций [9, с. 91–104].

В соответствии с предлагаемым подходом структура лингвокультурного концепта включает **образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую** и **историческую** составляющие.

Этимологическая составляющая («этимологический слой» по Ю.С. Степанову) концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым репрезентантом концепта. Этимологическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей. С целью иллюстрации вышесказанного рассмотрим этимологическую составляющую британского морально-этического концепта «conscience». Исследуя факты языковой репрезентации концепта «совесть» в русском языке, Н.Д. Арутюнова отмечает, что он «входит в группу социо-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с «Другим» (другими, социумом)» [1, с.54]. Благодаря фактору «Другого» и формируется сознание (от греч. syneidesis; лат. conscientia). «Сознание не просто сознает, но сознавая, оно судит и осуждает. В нем присутствует система норм, с которой человек соотносит свои действия – предстоящие и уже совершенные. Приобретая судебскую функцию, сознание становится совестью» [1, с. 55]. В большинстве европейских культур связь совести и сознания сохранилась. В английском языке лишь с XVII в. стали различать *consciousness* «сознание, осознание» и *conscience* «совесть».

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом.

Понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки. Понятийная составляющая, хоть и может включать смыслы, выводимые

из доминантных ассоциативных связей концепта, неинформативна при выявлении национально-культурных смыслов, так как содержит гипер-гипонимические признаки понятия, которые в случае концептов духовных сущностей могут совпадать в формулировках представителей разных культур. Более того, не будучи спрошенными, многие представители национально-языкового сообщества, никогда не пытаются сформулировать содержание понятийной составляющей концепта, успешно оперируя им в сознании. Сравнительный анализ определений морально-этических понятий, данных в современных толковых словарях английского и русского языков, выявил лишь крайне незначительную степень их этноспецифичности¹.

Образная составляющая концепта может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта ментальной сущности поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта.

Обратимся для примера к образному ядру концепта «*conscience*». Использование имени *conscience* отражает двойственность положения данного нравственного чувства во внутреннем пространстве человека – с одной стороны, и сложность структуры образного ядра соответствующего концепта – с другой. Совесть может выступать в роли контрагента (Другого), не тождественного Эго, она возвышается над ним, то есть занимает по отношению к нему внешнюю позицию. Ср.: Everyone has some sort of ***conscience***, and sooner or later it will find you out [W.S. Maugham, The moon and sixpence]. Совесть может принимать также образ внутренней компоненты человека, части его души. Ср.: I had the appetite of youth and he of a hardened ***conscience*** [W.S. Maugham, The moon and sixpence].

¹ Ср.: Modesty – the quality of being characterized by a moderate estimation of oneself or one's capabilities [ODE];

Скромность – сдержанность в обнаружении своих достоинств, заслуг [БТСРЯ].

Таким образом, очевидно, что одним из факторов, влияющих на синтаксические позиции слова *conscience*, является колебание между двумя базисными концептуальными метафорами, образующими ядро репрезентированного им концепта, – *conscience – a counteragent* (высшее существо) и *conscience – a psychic organ* (своего рода барометр, реагирующий на нарушение со стороны Эго нравственных норм и являющийся средоточием его грехов).

В рамках первой базисной метафоры можно выделить ряд частных метафор:

- *conscience – God, a guardian* (to go against one's conscience, to hear the voice of conscience, according to the law of conscience);
- *conscience – a judge* (the trial of conscience, the verdict of conscience, A guilty conscience needs no accuser);
- *conscience – an executioner* (to feel pangs / suffer from pangs (torments, tortures, twinges, worm, qualm) of conscience);
- *conscience – an inner enemy* (to come to terms with one's conscience, to make an agreement with one's conscience).

Концептуальная метафора *conscience – a psychic organ* лежит в основе следующих случаев стандартной сочетаемости имени *conscience* в английском языке: a guilty conscience, a clear conscience, a hardened conscience, to get something off one's conscience, to have something on one's conscience, to lie heavy on one's conscience, the pangs (qualm) of conscience.

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта понимается ними, вслед за Г.Г. Слышкиным, как его компонент, который может быть разложим на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета [13, с 23].

Историческая составляющая лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, входящие в его структуру на более ранних этапах

существования в концептосфере этноса и, в значительной степени, определяющие его синхронное состояние.

По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходит в историческую составляющую. Важно учитывать при этом, что ни один из когда-либо ценностно акцентуированных признаков концепта не элиминируется полностью. Оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса.

Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов следует уделять, на наш взгляд, выявлению структур их ассоциативных составляющих, так как последние *подвергаются верификации фактами языка, наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов, в первую очередь отражают диахронические изменения в структуре и ценностном статусе концептов, структурируют субконцептосферы и, в конечном итоге, национальную концептосферу.*

Национальное своеобразие концептов определяется также их *этимологической составляющей*. Однако в силу того, что концепт в процессе своего исторического развития неоднократно «меняет одежды», обретая с диахроническими изменениями лексической системы языка новых репрезентантов, его этимологическую составляющую необходимо выявлять в рамках отдельных исторических срезов. Информация о прежних этимонах отходит в исторический слой концепта и не осознается носителями языка более поздних эпох [9, с. 95].

Диахроническое исследование ассоциативных составляющих концептов позволяет сделать вывод о структуре их *исторических составляющих, включающих наиболее значимые в тот или иной период развития концепта ассоциаты, а также признаки этимологических составляющих предыдущих эпох*. Историческая составляющая актуализируется в специфических условиях дискурса, однако, мотивирует современную структуру и национально-культурную специфику концепта.

Говоря об иерархической организации составляющих лингво-концепта, можно утверждать, что *образная составляющая концепта (перцептивный и/или метафорический образы) совместно с ее ингерентными когнитивными признаками является ядром концепта*. При этом бесосновательно было бы утверждать, что существует иерархия в отношении к ядру прочих пяти составляющих концепта.

В терминах полевого подхода более целесообразно рассуждать, реконструируя ассоциативную составляющую концепта, так как последняя изоморфна репрезентирующему ее лексико-семантическому полю. Ассоциативная составляющая является значимым конструктом концепта, отражающим его бытие в актуальном срезе, однако все содержание концепта к ней ни в коем случае не сводится. Именно это позволяет концепту «пережить» своих номинантов, не диссимилироваться вместе с распадом актуализирующих его лексических микропарадигм.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – С. 54–77.
2. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. – 236 с.
3. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
4. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали: [доклад на международной конференции «Философия морали в контексте многообразия культур, Москва, июнь 2002]. Вопросы философии. – 2003. – №3. – С.3–12.
5. Евтушенко О.В. О перспективах изучения структуры концептов // Вопросы когнитивной лингвистики: Научно-теоретический журнал. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009, № 1. – 153 с. – С. 35–43.
6. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
7. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. и др. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
9. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2010. – 361 с.

10. Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII–XII веков (лингво-этнический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Владивосток, 2006. – 25 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001. – С. 34–56.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 313 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
14. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2004. – 991 с.
16. Толковый словарь русского языка / под. ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. ODE – Oxford Dictionary of English. – 2 nd. ed. / ed. by Catherine Soanes, Angus Stevenson. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 1345 p.